

Научная статья
УДК 343.7
doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-151-156

Александр Николаевич Смоляков
аспирант
<https://orcid.org/0000-0002-9156-2329>

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Советская, д. 14

Ответственность за хищение безналичных денежных средств и цифровой валюты в странах англосаксонской и континентальной системы права

Аннотация: Отечественный законодатель совершенствует уголовно-правовые нормы с опорой в том числе и на зарубежный опыт. В связи с этим автор рассматривает подходы зарубежных стран к определению предмета имущественных преступлений в целом и его «цифровых вариантов» в частности. Анализируются подходы некоторых зарубежных стран (Великобритании, США, Германии, Австрии, Испании, Франции, Польши) к установлению уголовной ответственности за хищение безналичных денежных средств и цифровой валюты.

Автор на основе анализа делает вывод, что в законодательстве зарубежных государств англосаксонской и романо-германской систем предмет имущественных преступлений определяется через категорию «имущество». В Англии и США имущество в целом (в том числе безналичные денежные средства и криптовалюта) может выступать предметом любых имущественных преступлений. В странах континентальной системы (в частности, в ФРГ, Австрии, Франции) в рамках этой группы преступлений выделяется подгруппа преступных деяний, посягающих только на вещи (например, кража). Представляется, что в отечественном уголовном законе также следует выделять группу имущественных преступлений, в которые войдут преступления против собственности. Соответственно, необходимо решение проблемы несоответствия наименования главы 21 УК РФ её содержанию, поскольку нормами данной главы охраняются не только объекты вещных прав (в частности, права собственности), но и имущественные права (права требования и т. п.), составляющие содержание обязательственных отношений. Предлагается уточнить название главы 21 УК РФ, озаглавив её «Имущественные преступления» (учтя при этом и исследованный зарубежный опыт). Так, безналичные денежные средства, которые не являются вещами и на которые распространяется гражданско-правовой режим имущественных прав, логичнее признавать предметом «имущественных преступлений», а не преступлений против собственности.

Ключевые слова: хищение, безналичные денежные средства, цифровая валюта, криптовалюта, уголовная ответственность, зарубежное законодательство

Для цитирования: Смоляков А.Н. Ответственность за хищение безналичных денежных средств и цифровой валюты в странах англосаксонской и континентальной системы права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 151–156; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-151-156.

Alexander N. Smolyakov
Graduate
<https://orcid.org/0000-0002-9156-2329>

P. G. Demidov Yaroslavl State University
14, Sovetskaya str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

Responsibility for theft of non-cash funds and digital currency in the countries of the Anglo-Saxon and continental systems of law

Abstract: The domestic legislator improves the criminal law norms based on, among other things, foreign experience. In this regard, the author considers the approaches of foreign countries to the definition

of the subject of property crimes in general and its «digital variants» in particular. The approaches of some foreign countries (Great Britain, USA, Germany, Austria, Spain, France, Poland) to the establishment of criminal liability for the theft of non-cash funds and digital currency are analyzed.

Based on the analysis, the author concludes that in the legislation of foreign states of the Anglo-Saxon and Romano-Germanic systems, the subject of property crimes is defined through the category of «property». In England and the USA, property in general (including non-cash funds and cryptocurrency) can be the subject of any property crimes. In the countries of the continental system (in particular, in the Federal Republic of Germany, Austria, France), within this group of crimes, a subgroup of criminal acts that encroach only on things (for example, theft) is distinguished. It seems that in the domestic criminal law it is also necessary to single out a group of property crimes, which will include crimes against property. Accordingly, in order to solve the problem of the inconsistency of the title of Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation with its content, since the norms of this chapter protect not only objects of property rights (in particular, property rights), but also property rights (claim rights, etc.) that make up the content of obligations relations. It is proposed to clarify the title of Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation, heading it «Property Crimes» (taking into account the studied foreign experience). Thus, non-cash funds, which are not things and which are subject to the civil law regime of property rights, are more logical to recognize as the subject of «property crimes», and not crimes against property.

Keywords: theft, non-cash funds, digital currency, cryptocurrency, criminal liability, foreign legislation

For citation: Smolyakov A. N. Responsibility for theft of non-cash funds and digital currency in the countries of the Anglo-Saxon and continental systems of law // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1 (93). – S. 151–156; doi: 10.35750/2071-8284-2022-1-151-156.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счёта или электронных денежных средств)» указывается, что «предлагаемые изменения в целом корреспондируют нормативно-правовым тенденциям отдельных иностранных государств в сфере предупреждения таких деяний посредством установления строгих санкций» (например, Франции, КНР, США).

Это свидетельствует о том, что отечественный законодатель совершенствует уголовно-правовые нормы с опорой в том числе и на зарубежный опыт. В связи с этим необходимо рассмотреть подходы зарубежных стран к определению предмета имущественных преступлений в целом и его «цифровых вариантов» в частности.

Начнём с законодательства стран англосаксонской правовой системы.

Основными правовыми источниками Великобритании являются статуты (парламентское законодательство, законы) и судебные прецеденты, которые составляют так называемое «общее право». Ответственность за совершение преступлений против собственности предусмотрена Актом о краже 1968 г. (Theft Act 1968) и Законом о преступном причинении вреда имуществу 1971 г. Кража (theft) является комплексным понятием, включающим в себя все виды хищений. Согласно § 4 (1) Акта о краже понятие «имущество» охватывает деньги и всякое иное имущество, движимое и недвижимое, в том числе право требования и другое нематериальное имущество. В английском уголовном праве

безналичные денежные средства, в частности, находящиеся на банковском счёте, представляют собой права требования, поскольку остаток на счёте является правом требования клиента к банковской организации о выплате этой суммы или осуществлении операций с ней. Соответственно, такие средства являются предметом хищений и иных имущественных преступлений.

При этом в Великобритании отсутствует специальная норма об ответственности за кражу или мошенничество в отношении криптовалюты, и ответственность наступает по общим статьям о краже и мошенничестве, предусмотренным Theft Act 1968. Порой завладение криптовалютой рассматривается как преступление против компьютерной безопасности по статьям Computer Misuse Act 1990. Так, например, IT-специалист, укравший криптовалюту на сумму более 30 000 фунтов стерлингов, был заключён в тюрьму на 20 месяцев. Осуждённый был нанят для выполнения IT-работы в офисе потерпевшего, где он нашёл информацию, которую использовал для кражи криптовалюты. Была похищена «смесь» биткойнов, лайткойнов и эфириума. Ему было предъявлено обвинение в краже и несанкционированном доступе к компьютеру с целью облегчения правонарушения. В итоге он был приговорён к тюремному заключению за кражу и одновременно приговорён в соответствии с Законом о неправомерном использовании компьютеров от 11 июня 2020 года в Королевском суде Честера (<https://www.manchestereveningnews.co.uk>).

Обращает на себя внимание также доклад Университетского колледжа Лондона, датированный февралем 2021 г. и посвящён-

ный будущему преступлений, связанных с криптовалютой, например, мошенничеству при помощи поддельных электронных кошельков. Поставщик кастодиального кошелька упрощает использование криптовалюты, управляя закрытыми и открытыми ключами пользователя, что делает отправку и получение криптовалюты простой задачей. Иными словами, поставщики таких кошельков помогают управлять закрытыми ключами. Можно также настроить поддельные кошельки (в некоторых случаях их даже можно загрузить из магазинов приложений), чтобы затем похитить криптовалюту пользователя. Правда, в этом случае преступникам необходимо детальное знание механизмов работы криптовалют¹.

В США также уделяется повышенное внимание борьбе с киберпреступностью, в том числе в имущественной сфере. Так, в 2018 г. генеральный прокурор Джефф Сешнс создал в Министерстве юстиции США Целевую группу по кибер-цифровым технологиям для оценки влияния последних достижений в области технологий на способность правоохранительных органов обеспечивать безопасность американских граждан. Признавая множество «плюсов» технологических достижений, которые «обогатили нашу жизнь и стимулировали нашу экономику», генеральный прокурор также отметил, что «злонамеренное использование ... технологий наносит ущерб нашему правительству, потребителям и бизнесу и ставит под угрозу общественную и национальную безопасность»².

Регулярно публикуются доклады Министерства юстиции США по этой целевой группе. В частности, в докладе, датированном октябрём 2020 г., отмечается, что особенности криптовалюты, а также «отсутствие прозрачности на рынке криптовалюты» делают её особенно привлекательной, адаптируемой и масштабируемой в качестве цели для кражи. Преступники и даже мошеннические государственные деятели могут украсть криптовалюту, используя уязвимости безопасности в кошельках и биржах. Воры могут взламывать кошельки и биржи напрямую; использовать социальную инженерию и другие инструменты для

получения паролей и PIN-кодов от ничего не подозревающих пользователей; или, если они сами управляют биржами, занимаются инсайдерской кражей. В 2018 г. было украдено или мошеннически получено криптовалюты на сумму не менее 1,7 миллиарда долларов, причем более 950 миллионов долларов из этой суммы было похищено с криптовалютных бирж. Сообщается, что в 2019 г. в результате хищений было потеряно более 4,5 миллиардов долларов криптовалюты, что более чем удвоило убытки по сравнению с предыдущим годом³.

В США предмет имущественных преступлений так же, как и в Англии, рассматривается широко. Согласно ст. 223 Примерного уголовного кодекса США, под имуществом понимается «всё, что имеет ценность, включая недвижимое имущество, материальное и нематериальное личное имущество, права, вытекающие из договоров, имущество в требованиях и иные интересы или притязания по имуществу». Этот термин распространяется на все формы хищений (хищение путём незаконного взятия имущества или незаконного распоряжения имуществом, хищение путём обмана, вымогательства, приобретение похищенного имущества, хищение услуг).

Такой подход воспринят и на уровне законодательства штатов. Так, согласно ст. 155 УК штата Нью-Йорк, «под имуществом следует понимать деньги, движимое имущество, объекты недвижимости, компьютерные данные или программы, вещные и обязательственные права требования, а равно любой предмет или вещь, имеющее ценность, включая газ, воду или электричество». УК штата Техас в ст. 31.01, ст. 32.01 понимает под имуществом «недвижимое имущество; вещное (осязаемое) или не-вещное (неосязаемое) движимое имущество, включая нечто отделяемое от земли; документ, включая деньги, удостоверяющий собой что-то, имеющее стоимостное выражение». При этом понятие хищения является комплексным, включающим и кражи, и мошенничества, и растрату (присвоение), и вымогательство и др.

Что касается криптовалюты, то её правовое регулирование не единообразно. Например, в штате Вашингтон криптовалюта отнесена к категории «деньги», в штате Нью-Йорк к бездокументарным ценным бумагам [1, с. 87–92], но в любом случае она легализована в качестве имущества, поэтому может выступать предметом хищений и иных имущественных преступлений.

В США нередки случаи, когда действия по незаконному изъятию криптовалюты, как и в Англии, квалифицируются одновременно как преступления против собственности и как преступления против компьютерной безопасности. Так, 3 ноября 2021 г. Министерство юстиции США предъявило обвинения граж-

¹ U.S. Attorney Announces Indictment Charging U.K. Citizen With Conspiracy To Commit Computer Intrusions And Other Offenses [Прокурор США огласил обвинительное заключение по обвинению гражданина Великобритании в сговоре с целью совершения компьютерных вторжений и других преступлений] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции США. – URL: <https://www.justice.gov/usao-sdny/pr/us-attorney-announces-indictment-charging-uk-citizen-conspiracy-commit-computer> (дата обращения: 14.02.2022).

² Sessions Jeff, Attorney General. Memorandum for Heads of Department Components Cyber-Digital Task Force February 16 2018 [Меморандум для руководителей подразделений Целевой группы по кибер-цифровым компонентам 16 февраля 2018 г.] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции США. – URL: <https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1035457/downloadn> (дата обращения: 14.02.2022).

³ Доклад Министерства юстиции США по Целевой группе по кибер-цифровым компонентам, октябрь 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции США. – URL: <https://www.justice.gov> (дата обращения: 14.02.2022).

данину Великобритании, который вместе с сообщниками реализовал схему использования подмены SIM-карт для проведения кибервторжений с целью кражи криптовалюты на сумму около 784 000 долларов США от криптовалютной компании из Манхэттена, которая всегда предоставляла инфраструктуру кошелька и соответствующее программное обеспечение для бирж криптовалют по всему миру. В дальнейшем посредством несанкционированного доступа виновные украли и мошенническим путём перенаправили криптовалюту различных типов из криптовалютных кошельков, поддерживаемых компанией. Похищенная криптовалюта стоила не менее 784 000 долларов США на момент хищения и включала 770,784869 биткойнов, 6 363,490509 лайткойнов и 407,396074 эфириума. Виновный был осужден за сговор с целью взлома компьютера, сговор с целью совершения мошенничества с использованием электронных средств, кражу личных данных при отягчающих обстоятельствах, а также сговор с целью отмывания денег⁴.

Таким образом, в Англии и США предметом хищений выступает имущество в целом, включая безналичные денежные средства и криптовалюту.

Обратимся к законодательству стран континентальной системы права.

В Германии, согласно Уголовному кодексу ФРГ от 15 мая 1871 г., уголовно-правовой охране подлежат две группы имущественных отношений – отношения, возникающие по поводу вещей (имеют форму вещных прав, согласно § 90 Гражданского уложения Германии – «вещами в смысле закона являются лишь телесные предметы»), а также по поводу иных объектов, которые опосредованы обязательственными правоотношениями. Данная система предопределяется системой объектов гражданских прав. Так, выделяются две большие группы: 1) посягательства на телесные вещи, законодатель прямо указывает на чужую движимую вещь: *Eigentumsdelikte* – преступления против собственности, такие как кража (§ 242), присвоение имущества (§ 246), разбой и кража, отягощённая насилем (§ 249–252); 2) посягательства на имущество в целом (*Straftaten gegen einzelne Vermögenswerte* – вымогательство (§ 253), мошенничество (§ 263 – речь идет о причинении вреда имуществу), компьютерное мошенничество (§ 263a), злоупотребление доверием (§ 266).

Применительно к первым уголовный закон охраняет вещное право – право собственности, во втором случае охране подлежит всё имуще-

ство в целом (в том числе права требования, любые экономические блага), «опосредованное не вещными, а обязательственными и иными гражданско-правовыми отношениями»⁵. Безналичные денежные средства как права требования являются предметом посягательств, относящихся ко второй группе. Вместе с тем в качестве предмета кражи в Германии не могут выступать имущественные права (в том числе безналичные денежные средства), поскольку они бестелесны. Однако, как отмечается, предметом являются документы, подтверждающие имущественные права (например, чек, сберегательная книжка, вексель и др.) [2, с. 134].

Данная концепция имущественных преступлений имеет законченный характер, поскольку в полной мере охраняет отношения, возникающие по поводу различных гражданско-правовых объектов (вещей, объектов, не имеющих вещно-правовой природы: безналичных денежных средств, бездокументарных ценных бумаг). Российское дореволюционное уголовное право также различало преступления против собственности, посягающие на телесные вещи, и преступления против имущества как целого (это обуславливалось тем, что существенное влияние на отечественную юриспруденцию оказала германская доктрина). Впоследствии советский законодатель единственным объектом гражданского права стал признавать вещь.

В уголовном законодательстве Австрии понятие «имущество» также трактуется широко, поскольку в группу имущественных преступлений включаются преступления против собственности (предметом выступает вещь – простые кражи, кражи, отягощенные насилем, разбой), а также посягательства на имущество в целом (предметом выступают не только вещи, но и имущественные права: мошенничество, вымогательство) [3, с. 21–22].

В Испании предметом кражи, как и в ФРГ, является чужая движимая вещь (ст. 238 Органического закона Испании от 30 марта 2015 г.), в то время как «обвиняемыми в мошенничестве считаются те, кто с целью получения прибыли и с помощью компьютерных манипуляций или аналогичным способом, стремятся получить передачу любого имущества без согласия в ущерб другому; те, кто использует кредитные или дебетовые карты, дорожные чеки и проводит операции любого рода в ущерб собственнику или третьему лицу».

В Уголовном кодексе Франции имеется целая Книга (третья) «Об имущественных преступлениях и проступках». Под кражей понимается обманное изъятие вещи другого лица (ст. 311-1), в то время как предметом вымогательства (ст. 312.1), мошенничества (ст. 313-1), злоупотребления доверием (ст. 314-1) может

⁴ U.S. Attorney Announces Indictment Charging U.K. Citizen With Conspiracy To Commit Computer Intrusions And Other Offenses [Прокурор США огласил обвинительное заключение по обвинению гражданина Великобритании в сговоре с целью совершения компьютерных вторжений и других преступлений] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции США. – URL: <https://www.justice.gov/usao-sdny/pr/us-attorney-announces-indictment-charging-uk-citizen-conspiracy-commit-computer> (дата обращения: 14.02.2022).

⁵ Харламов Д. Д. Система имущественных преступных деяний по УК Российской Федерации и ФРГ: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Харламов Даниил Дмитриевич. – Москва, 2016. – С. 11.

выступать любое имущество (в частности, денежные средства, ценные бумаги, материальные ценности или «какое бы то ни было иное имущество»). При этом следует отметить, что в эту книгу включена самостоятельная глава «О посягательствах на системы автоматизированной обработки данных», которая представляет аналог гл. 28 УК РФ «Компьютерные преступления». Это свидетельствует о том, что предмет имущественных преступлений в УК Франции весьма широкий, поскольку включает в себя также и компьютерную информацию. При этом К. В. Горобец замечает, что имущественные преступные деяния по УК Франции вообще не предусматривают такого родового термина, как «хищение» [4, с. 9].

Глава 35 УК Республики Польша именуется «Преступления против имущества» и открывается ст. 278, в которой говорится о завладении чужой движимой вещью с целью её присвоения. При этом в этой же норме речь идёт и о краже карточки, дающей право на получение денег из банкомата. В таком случае польский законодатель понимает её как предмет преступления, хотя в отечественной доктрине такой подход ставится под сомнение, поскольку карта «не обладает его свойствами (в частности, экономическим признаком, определяющим стоимость и востребованность в экономическом обороте предмета преступления)»⁶, предметом выступают безналичные денежные средства, расположенные на счёте лица.

Таким образом, в уголовном законодательстве стран романо-германской системы существует группа имущественных преступлений, в рамках которой выделяются преступные деяния, посягающие исключительно на вещь (например, кража), а также преступления, посягающие на иные виды имущества (в том числе на безналичные денежные средства).

В целом же в законодательстве зарубежных государств англосаксонской и романо-германской систем предмет имущественных преступлений определяется через категорию «имущество». В Англии и США имущество в целом (в том числе безналичные денежные средства и криптовалюта) может выступать предметом любых имущественных преступлений. В странах континентальной системы (в частности,

в ФРГ, Австрии, Франции) в рамках этой группы преступлений выделяется подгруппа преступных деяний, посягающих только на вещи (например, кража).

Представляется, что в отечественном уголовном законе также следует выделять группу имущественных преступлений, в которые войдут преступления против собственности. Соответственно, для решения проблемы несоответствия наименования главы 21 УК РФ её содержанию, поскольку нормами данной главы охраняются не только объекты вещных прав (в частности, права собственности), но имущественные права (права требования и т. п.), составляющие содержание обязательственных отношений, целесообразно уточнить название главы 21 УК РФ, озаглавив её «Имущественные преступления» (учтя при этом и исследованный зарубежный опыт). Так, безналичные денежные средства, которые не являются вещами и на которые распространяется гражданско-правовой режим имущественных прав, логичнее признавать предметом «имущественных преступлений», а не преступлений против собственности.

Кроме того, с учётом приведенного зарубежного опыта, а также нарушения правил дифференциации уголовной ответственности, существование в отечественном уголовном законе квалифицирующего признака хищения имущества «с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств» (ч. 3 ст. 158, ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ) представляется необоснованным, в связи с чем логично исключить его из уголовного закона. В результате эволюционного расширения форм и механизмов безналичной оплаты в структуре платежей как раз безналичные хищения денег становятся «криминальной нормой», приходя на смену хищениям наличности, а квалифицированные составы преступлений не должны отражать «норму» криминального поведения.

Следует также констатировать, что отечественное законодательство разделяет некоторые из изложенных выше подходов. В соответствии со ст. 128 ГК РФ, электронные и иные безналичные денежные средства не могут признаваться вещами, но относятся к имущественным правам как разновидности иного имущества, также указанного в числе объектов гражданских прав. Принадлежат к категории «имущество» (а не «права на имущество»), электронные и иные безналичные денежные средства отвечают всем признакам предмета хищений в полном соответствии с примечанием 1 к ст. 158 УК РФ.

⁶ Горобец К. В. Мошенничество по уголовному праву России и Франции. Сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Горобец Кирилл Владимирович. – Москва, 2009. – С. 9.

Список литературы

1. Ляскало А. Н. Криптовалюты как предмет и средство преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции. – Москва: РГ-Пресс, 2019. – С. 87–92.
2. Харламов Д. Д. Кража в системе имущественных преступных деяний по УК Российской Федерации и ФРГ // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 2. – С. 133–136.

3. Хисамова З. И. Квалификация посягательств, совершенных с использованием электронных средств платежа // Государство и право. – 2015. – № 3 (33). – С. 127–131.

4. Хилыута В. В. Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности: концептуальные основы моделирования объекта и системы : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – 202 с.

5. Люттов В. А. Электронные средства платежа как предмет мошеннических действий по уголовному законодательству Российской Федерации и Китайской Народной Республики // E-SCIO. – 2019. – № 7. – С. 254–259.

6. Коренная А. А., Тыдыкова Н. В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 3. – С. 408–415.

7. Куликова А. А., Жмурко Р. Д. Криптовалюта как предмет преступления: проблемы квалификации и защиты // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 11-2. – С. 376–381.

8. Алексеев Н. В. Неклассические объекты гражданского права. Особенности правовой природы криптовалют // Право: история, теория, практика : сборник. – Вып. 21. – Брянск: Новый проект, 2017. – С. 29–37.

9. Барчуков В. К. К вопросу о квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 2. – С. 101–112.

10. Олейник Е. Н. Проблематика отграничения кражи имущества с банковского счета от мошенничества с использованием электронных средств платежа // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – № 2 (23). – С. 45–47.

References

1. Lyaskalo A. N. Kriptoalyuty kak predmet i sredstvo prestupleniya // Uголовnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Moskva: RG-Press, 2019. – S. 87–92.

2. Kharlamov D. D. Krazha v sisteme imushchestvennykh prestupnykh deyaniy po UK Rossiyskoy Federatsii i FRG // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2016. – № 2. – S. 133–136.

3. Khisamova Z. I. Kvalifikatsiya posyagatel'stv, sovershennykh s ispol'zovaniyem elektronnykh sredstv platezha // Gosudarstvo i pravo. – 2015. – № 3 (33). – S. 127–131.

4. Khilyuta V. V. Prestupleniya protiv sobstvennosti i poryadka osushchestvleniya ekonomicheskoy deyatel'nosti: kontseptual'nyye osnovy modelirovaniya ob'yekta i sistemy : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2012. – 202 s.

5. Lyutov V. A. Elektronnyye sredstva platezha kak predmet moshennicheskikh deystviy po uголовnomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki // E-SCIO. – 2019. – № 7. – S. 254–259.

6. Korennaya A. A., Tydykova N. V. Kriptoalyuta kak predmet i sredstvo soversheniya prestupleniy // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. – 2019. – Т. 13. – № 3. – S. 408–415.

7. Kulikova A. A., Zhmurko R. D. Kriptoalyuta kak predmet prestupleniya: problemy kvalifikatsii i zashchity // Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava. – 2020. – № 11-2. – S. 376–381.

8. Alekseyev N. V. Neklassicheskiye ob'yekty grazhdanskogo prava. Osobennosti pravovoy prirody kriptoalyut // Pravo: istoriya, teoriya, praktika : sbornik. – Vyp. 21. – Bryansk: Novyy proyekt, 2017. – S. 29–37.

9. Barchukov V. K. K voprosu o kvalifikatsii moshennichestva v sfere komp'yuternoy informatsii // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2017. – № 2. – S. 101–112.

10. Oleynik Ye. N. Problematika otgranicheniya krazhi imushchestva s bankovskogo scheta ot moshennichestva s ispol'zovaniyem elektronnykh sredstv platezha // Baltiyskiy humanitarnyy zhurnal. – 2018. – № 2 (23). – S. 45–47.

Статья поступила в редакцию 30.12.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 12.03.2022.

The article was submitted December 30, 2021; approved after reviewing February 01, 2022; accepted for publication March 12, 2022.